

УДК 159.9(091)

ВЕЛИКИЙ ПСИХОЛОГ: К. Д. УШИНСКИЙ КАК МЕТОДОЛОГ ПСИХОЛОГИИ¹

*Чтоб узнать, какова та деятельность,
к которой стремится душа человеческая,
мы, конечно, должны изучить прежде
особенности этой души.*

К.Д. Ушинский

© 2023 г. В. А. Мазиллов

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского;
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, Россия.
Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии.
E-mail: v.mazilov@yspu.org*

Поступила 20.12.2022

Аннотация. Статья приурочена к 200-летию великого русского педагога и психолога К.Д. Ушинского, вклад которого в развитие педагогики и психологии неоспорим. Указывается, что психологическая составляющая творчества и наследия ученого и новатора остается в значительной степени недооцененной. В российских учебниках и учебных пособиях по истории психологии уделяется недостаточно внимания психологическим исследованиям К.Д. Ушинского, при этом в аналогичных зарубежных учебных изданиях эти исследования вовсе не упомянуты. Утверждается, что одним из основных достижений ученого является методология обоснования научной психологии. Несмотря на то что К.Д. Ушинский не определял себя как психолога, он разрабатывал научные основы и систему психологии в рамках построения научной педагогики. Психологии как науки на то время не существовало, поэтому разработка системы психологии была средством решения его главной задачи. Решение Ушинским поставленной задачи представляло собой уникальное достижение мировой психологической науки, абсолютно оригинальное, поскольку проект был фактически ориентирован на разработку практической психологии для педагогов. Приведен анализ причин недооценки научным сообществом проекта Ушинского — как объективных (традиции рассмотрения психологии и общественные ожидания), так и субъективных (позиционирование Ушинским себя исключительно как педагога и занижение своего вклада в психологию). Указывается, что на вклад Ушинского в создание оригинальной системы психологии обращал внимание Б.Г. Ананьев, называвший русского ученого “великим психологом”, но оценка классика советской психологии не стала общепринятой. Анализируются причины отсутствия резонанса публикации Ушинского, среди которых главными являются идеологические и социокультурные, связанные с неопределенным статусом психологии в начале 1950-х годов после сессии двух академий, когда определяющими факторами стали близость к физиологическому учению И.П. Павлова и материализм концепции. Дается очерк методологической концепции К.Д. Ушинского, позволяющий утверждать, что Ушинским был предложен проект научной психологии, первый в истории мировой психологии практико-ориентированный проект психологической науки.

Ключевые слова: К.Д. Ушинский, научная педагогика, педагогическая антропология, система психологии, научная психология, Б.Г. Ананьев, история психологии.

DOI: 10.31857/S020595920024913-0

В феврале 2023 г. исполнилось 200 лет со дня рождения великого русского педагога и психолога Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1870). К.Д. Ушинский родился 19 февраля (3 марта) 1823 г.

в Туле. Знаменательный юбилей является поводом обратиться к психологическому наследию выдающегося мыслителя и педагога, тем более что психологическая составляющая творчества великого ученого и новатора до сих пор остается, как представляется, в значительной степени недооцененной. Недооценка роли К.Д. Ушинского как

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00089.

психолога имеет давние корни. Попытка обоснования положения, что психологическая концепция К.Д. Ушинского, разработанная великим педагогом в рамках его “Педагогической антропологии”, вполне достойна того, чтобы именовать автора великим психологом, была предпринята в 1945 г. замечательным отечественным ученым, классиком советской психологии Б.Г. Ананьевым [3]. Нужно признать, что эта попытка не увенчалась успехом. В настоящей статье приводятся соображения, согласно которым принятию ананьевской оценки деятельности Ушинского в психологии помешали идеологические и социокультурные обстоятельства, существовавшие в то время в СССР.

В предыдущих работах [10–12] мы подробно анализировали “объективные” причины недооценки деятельности Ушинского и его трудов в отечественной истории психологии. Было показано, что в современной историко-психологической литературе [6; 15; 16] работы Ушинского явно недооцениваются, в лучшем случае признается вклад русского ученого в развитие педагогической психологии. Зарубежные историки психологии вообще не упоминают о вкладе Ушинского в психологическую науку [11].

В настоящей статье содержится попытка проанализировать логику решения психологических вопросов в работах К.Д. Ушинского. Скажем сразу, что в этом тексте придется коснуться и “субъективных” причин недооценки психологической концепции, созданной К.Д. Ушинским. К числу этих субъективных причин следует отнести, в частности, научную скромность Ушинского, его поразительную научную честность и его личностную и профессиональную идентификацию исключительно как педагога. К.Д. Ушинский, несомненно, был педагогом, решал именно педагогические задачи. В качестве средства решения педагогической задачи, на которую он был нацелен, было необходимо разработать психологию. И эту задачу — создание научной системы психологии — К.Д. Ушинский успешно решил, не акцентируя свою роль в разработке этой системы. Напротив, он скрупулезно отмечал, какие идеи английских и немецких психологов использовал в своей работе.

Конечно же, главной причиной (которая — скажем честно — перевешивает все остальные), не позволившей К.Д. Ушинскому завершить его грандиозный проект, явился его безвременный уход из жизни. Ушинский не успел закончить третий том своих научных трудов, в связи с чем разработанная система не приобрела законченный вид, не была представлена читающей публике целиком,

не получила необходимый уровень научной известности.

Как нам представляется, совокупность объективных и субъективных причин и привела к отмеченной выше недооценке роли Ушинского в развитии мировой психологии. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы, проанализировав деятельность К.Д. Ушинского как методолога психологии, восстановить историческую справедливость и показать, что представленная ученым система психологии жизнеспособна и перспективна. Конкретные психологические результаты, полученные Ушинским, при всей их значимости останутся за рамками настоящего текста (см. об этом: [1–4; 8; 9]).

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ К.Д. УШИНСКОГО

Первые очерки своего знаменитого труда “Педагогическая антропология” К.Д. Ушинский опубликовал в виде статей, печатавшихся с 1864 по 1869 г. в журнале “Педагогический сборник”. Перерабатывая и значительно дополняя эти статьи, он издавал их затем отдельными томами под заглавием “Человек как предмет воспитания” (“Опыт педагогической антропологии”: первый том вышел в 1867 г., второй — в 1869 г.) [18, с. 686]. Третий том остался незавершенным, материалы к нему были опубликованы А.Н. Острогорским в 1908 г. [20]. Можно только согласиться с А.Н. Острогорским, написавшим: “Чувствуется глубокое сожаление, что судьба не дала Ушинскому возможности самому обработать и подготовить к печати III том, которого в свое время с таким нетерпением ждали русские педагоги” [20, с. 634].

В предисловии к первому тому Ушинский объясняет логику своих исследований: “Теперь скажем несколько слов о самом расположении тех предметов, которые мы хотим изучать в нашем труде. Хотя мы избегаем всякой стеснительной системы, всяких рубрик, которые заставили бы нас говорить о том, что нам вовсе неизвестно; но, тем не менее, мы должны же излагать изучаемые нами явления в некотором порядке. Сначала мы, естественно, займемся тем, что нагляднее, и изложим те физиологические явления, которые считаем необходимыми для ясного понимания психических. Затем приступим к тем психофизическим явлениям, которые, сколько можно судить по аналогии, общи в начатках своих как человеку, так и животным, и только под конец займемся чисто психическими, или, лучше сказать, духовными, явлениями, свойственными одному человеку. В заключение же

всего мы представим ряд педагогических правил, вытекающих из наших психических анализов» [18, с. 52–53].

Приведем важное замечание Ушинского, которое поясняет роль различных предметов в основании педагогики: «Понимая вполне справедливость выражения Бенеке, что “педагогика есть прикладная психология”, и только находя, что в педагогике прилагаются выводы не одной психологической науки, а и многих других, которые мы перечислили выше. Но, конечно, психология, в отношении своей приложимости к педагогике и своей необходимости для педагога, занимает первое место между всеми науками» [18, с. 52].

К.Д. Ушинский характеризует свой проект следующим образом: «В первом томе “Педагогической Антропологии”, который мы выпускаем теперь в свет, изложены нами немногочисленные физиологические данные, которые мы считали необходимым изложить, и весь процесс осознания, начиная от простых первичных ощущений и доходя до сложного рассудочного процесса. Во втором томе излагаются процессы душевных чувств, которые, в отличие от пяти внешних чувств, называем просто чувствованиями, а иногда чувствами душевными, или чувствами сердечными и умственными (каковы: удивление, любопытство, горе, радость и т.п.). В этом же томе, за исключением процесса желаний и воли, изложим мы и духовные особенности человека, оканчивая тем нашу индивидуальную антропологию. Изучение человеческого общества с педагогической же целью потребовало бы нового, еще большего труда, для которого у нас недостает ни сил, ни знаний. В третьем томе мы изложим по системе, удобной для обозрения, те педагогические меры, правила и наставления, которые сами собою вытекают из рассмотренных нами явлений человеческого организма и человеческой души» [18, с. 53–55].

Таким образом, К.Д. Ушинский набрасывает монументальный проект исследований, который был осуществлен (последний том, содержащий материалы, подготовленные К.Д. Ушинским для третьего тома “Педагогической антропологии”, был издан, как уже упоминалось, А.Н. Острогорским в 1908 г.).

В.Я. Струминский (составитель и один из редакторов “Сочинений” К.Д. Ушинского) отмечает: «Третий том “Педагогической антропологии” должен был быть самой существенной частью этого произведения великого русского педагога: первые два тома только подводили читателя к этой третьей части» [20, с. 645].

Обратим внимание, что Ушинский намечал грандиозный проект. Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но как знать — проживи Константин Дмитриевич еще пару десятилетий — возможно, из-под его пера появилась бы не только монументальная трехтомная “Педагогическая антропология”, но кроме индивидуальной педагогической антропологии и *социальная педагогическая антропология*, для которой в 1867 г., как отмечал сам Ушинский, не хватало “сил и знаний”.

МЕТОДОЛОГИЯ ОБОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ К.Д. УШИНСКИМ

Как пишет К.Д. Ушинский, “физиология не могла отыскать в нервной системе никаких условий, которые могли бы объяснить нам возможность таких явлений, каковы: сознание, чувство и воля. Достигая везде до этих явлений, мы испытывали ясно, что с физиологическими средствами исследования нельзя сделать ни шагу далее, что здесь мы встречаемся с каким-то новым агентом, который не поддается физиологическому наблюдению” [18, с. 269].

Ушинский продолжает: “Отношение, в которое душа поставлена к нервному организму, составляет одну из величайших тайн творения, которая, возбуждая сильнейшее любопытство в человеке, остается для него непостижимой, хотя человек, так сказать, живет посреди этой тайны и каждым своим действием, каждой своею мыслью решает на практике задачу, неразрешимую для него в теории. Теперь, по крайней мере, ясно для нас уже одно, что нервный организм стоит неизбежным звеном и единственным посредником между внешним миром и душою. Душа не ощущает ничего, кроме разнообразных состояний нервного организма, и насколько внешний мир своими влияниями отражается в этих состояниях, настолько он и доступен душе. Если предположить, что во внешнем мире существуют явления, не производящие никакого влияния, ни непосредственного, ни посредственного, на изменение состояний нервного организма, то такие явления останутся для души навсегда неизвестными. Если, наоборот, предположить, что в душе есть явления, которые не производят никакого впечатления на нервный организм, то такие явления ничем не заявят своего существования во внешнем мире. Таково отношение души и к нервной системе, и к внешнему миру. Как разбирает душа иероглифы, начертываемые влияниями внешней природы, в состояниях нервной системы, — этого мы не знаем; а соответствуют ли эти иероглифы действительным явлениям внешнего

мира, — это составляет основной вопрос метафизики, в который мы не будем здесь углубляться” [18, с. 270].

Ушинский формулирует важнейшее положение, характеризующее метод психологии: “Но, оставляя физиологические наблюдения, чем же мы заменим их? Наблюдением души над собственной своею жизнью, или самонаблюдением. Наблюдение есть метод естественных наук: самонаблюдение — метод психологии. Уже сама физиология, как только дело идет в ней о деятельности органов чувств и движений, не довольствуется наблюдениями, а прибегает к самонаблюдениям: меняет физиологический метод на психологический; да иначе и быть не может. Если бы, например, человек не обладал сам органом слуха, то, открыв его у других животных, он не имел бы никакой возможности узнать, для чего служит такой орган” [18, с. 271].

“Мы хотим только показать, что основной метод для физиологии есть наблюдение, а основной метод для психологии — самонаблюдение и что если одна наука может пользоваться результатами другой, то только под тем условием, чтобы обе они не смешивали своих методов” [18, с. 271]. “Что самонаблюдение, основывающееся на врожденной человеку способности сознать и помнить свои душевные состояния, есть основной способ психологических исследований, — в этом нетрудно убедиться. Всякое психологическое наблюдение, которое мы делаем над другими людьми или извлекаем из сочинений, рисующих душевную природу человека, возможно только под условием предварительного самонаблюдения” [18, с. 272].

Обратим внимание на нижеследующий фрагмент. Истоки упрека, о котором упоминает К.Д. Ушинский, находятся в известной кантовской критике психологии. Как мы увидим далее, он представлял известную трудность и для Вундта, в физиологической психологии которого самонаблюдение также было основным методом [14]. Вундт решал этот вопрос путем длительной тренировки испытуемых. Ушинский пишет: “Гораздо основательнее тот упрек, делаемый обыкновенно психологии, что предмет ее чрезвычайно подвижен: не лежит спокойно перед сознанием изучающего, как цветок под микроскопом ботаника, но беспрестанно меняется, как хамелеон, смотря по тому, кто к нему подходит и с какой стороны, и что, наконец, изучающий не может оторвать предмета своего изучения от самого себя. Этот упрек верен; но он показывает только трудность науки, а не невозможность ее” [18, с. 275].

МИРОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ В 1860-е ГОДЫ

К.Д. Ушинский, как известно, разрабатывал свою “Педагогическую антропологию” в 1860-е годы. Термин “антропология”, предложенный еще Аристотелем, в середине XIX столетия использовался уже достаточно часто [11].

Как представляется, *антропология* у Ушинского появляется далеко не случайно. Ушинскому была необходима прочная основа для создания научной педагогики. Цель Ушинского прагматическая — научно обеспечить дело воспитания. Психологии, которую можно было использовать для этого, в то время не существовало. Поэтому Ушинскому приходится “синтезировать” свою психологию из доступного материала, который был представлен в течениях европейской психологической мысли середины XIX в. [10].

В предыдущих работах было показано, что в биографии Ушинского был эпизод, когда ученый столкнулся с подобной рода задачей [11]. Будучи профессором в Ярославле, Ушинский создал свой подход к камеральному образованию. Ученый отверг европейские образцы как ненаучные, сугубо “рецептурные”. Методологическое решение К.Д. Ушинский нашел в использовании широкого базового понятия (тогда в 1848 г. в качестве основы выступило понятие “родина”). На этой основе К.Д. Ушинским была создана концепция камерального образования [12]. Так, и в новых обстоятельствах — по той же проверенной ранее методологии — в соответствии с принципом природосообразности основу для организации воспитания человека должен составить *человек*. Отсюда и антропология — наука о человеке.

Какова психология в то время, когда Ушинский работает над своей “Педагогической антропологией”? Константин Рамуль (1879–1975), известный эстонский психолог из Тартуского университета, скрупулезно рассмотрел, что мог использовать Ушинский в психологии [17]. Анализ этих направлений в психологии середины XIX столетия приведен в предшествующих работах [11].

Из всех направлений немецкой психологии для К.Д. Ушинского относительный интерес могла бы представлять физиологическая и экспериментальная психология Вундта, предварительный абрис которой был намечен в “Лекциях о душе человека и животных” [25]. Однако в силу элементаризма и атомистичности вундтовской психологии, а также того, что в ней рассматривались лишь простейшие психические явления, значения для обоснования воспитания она практически не имела.

В Англии наиболее популярными были ассоцианистское (Д.С. Милль и А. Бэн) и эволюционное (Г. Спенсер и А. Бэн) направления. К. Рамуль справедливо отмечает, что “симпатии Ушинского склонялись несколько более в сторону английской, чем немецкой, психологии” [17, с. 123]. Подход английской психологии был более функциональным и целостным [14], поэтому более значимым для достижения целей, которые поставил перед собой Ушинский. Как отмечал сам Ушинский, “замечательно, что в Англии гораздо даже более, чем в Германии, издано было разных психологических учебников и популярных психологий; даже преподавание психологии, судя по назначению разных изданий в этом роде, введено в некоторые школы. И в этом виден как верный практический смысл англичан, так и влияние великих английских писателей по психологии” [18, с. 28].

Тем не менее Ушинский не мог принять позиции ни одной из школ и относился к ним весьма критически, указывая на то, что “перенести к нам целиком одну из психологических теорий Запада мы не могли, ибо сознавали односторонность каждой из них и что во всех их есть своя доля правды и ошибки, своя доля верных выводов из фактов и ни на чем не основанных фантазий. Мы пришли к убеждению, что все эти теории страдают теоретической самонадеянностью, объясняя то, что еще нет возможности объяснить, ставя вредный призрачный знания там, где следует сказать еще простое не знаю, строя головоломные и утлые мосты через неизведанные еще пропасти, на которые следовало просто только указать, и, словом, дают читателю за несколько верных и потому полезных знаний столько же, если не больше, ложных и потому вредных фантазий. Нам казалось, что все эти теоретические увлечения, совершенно необходимые в процессе образования науки, должны быть оставлены, когда приходится пользоваться результатами, добытыми наукою, для приложения их к практической деятельности. Теория может быть односторонняя, и эта односторонность ее даже бывает очень полезна, освещая особенно ту сторону предмета, которую другие оставляли в тени; но практика должна быть по возможности всесторонняя” [18, с. 40–41].

Ушинский продолжает: “Сознавая все это, мы задумали из всех известных нам психологических теорий взять только то, что казалось нам несомненным и фактически верным, снова проверить взятые факты внимательным и общедоступным самонаблюдением и анализом, дополнить новыми наблюдениями, если это где-нибудь окажется по нашим силам, оставить откровенные пробелы везде,

где факты молчат, а если где, для группировки фактов и уяснения их, понадобится гипотеза, то, избрав наиболее распространенную и вероятную, отметить ее везде не как достоверный факт, а как гипотезу” [18, с. 41–42].

Обратим внимание на заключения Рамуля: «Подобно психологиям отдельных, в особенности немецких школ, психологическая система Ушинского была в значительной степени теоретизирующей и конструирующей. И хотя он сам не раз подчеркивает, что, желая более всего основываться на наблюдении и добытых при его помощи фактических данных, его наблюдение и самонаблюдение остались по существу такими же, как они были в старой “эмпирической” психологии...» [17, с. 123]. С последним выводом К. Рамуля полностью согласиться нельзя: без философско-методологических оснований никакая психологическая концепция попросту невозможна, основания же подхода Ушинского подробно им обсуждаются и обосновываются.

“Новая, существенным образом отличающаяся от старой, психология едва еще зарождалась, и никто не мог предвидеть всех возможностей, которые в ней таились” [17, с. 124].

Теперь самое главное. Давайте зададим себе вопрос: каким образом оценивается вклад Ушинского в психологию? С чем сравнивается? Психология Ушинского сравнивается — по международному счету — с научной психологией Вундта. Заметим, что при жизни Ушинского были опубликованы лишь “Лекции о душе человека и животных” [25], в которых проект сознания научной психологии был лишь только намечен.

Пройдет три года после смерти Ушинского, и Вундт провозгласит это в предисловии к “Основаниям физиологической психологии” [26]. Целью его труда является отделение психологии от философии: “Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще недостаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата” [5, с. 3]. Это образец психологии, получивший статус научной.

Провозглашение психологии самостоятельной наукой было и ожидаемым, и долгожданным: область психических явлений оставалась последней сферой, неподвластной науке.

Еще в 1786 г. И. Кант в “Метафизических началах естествознания” [7] проанализировал современную

ему психологию, выделив четыре ее главных недостатка. Напомним, согласно Канту, психология не может использовать математику, эксперимент, в психологии нельзя обнаружить устойчивые элементы, которые можно сделать основой, а сам метод самонаблюдения ненадежен и искажает естественный ход душевных процессов. Перечисленные недостатки психологии представлялись И. Канту настолько существенными, что его вердикт для психологии был печален: она никогда не сможет стать подобной естественным наукам.

Вундт целенаправленно пытался устранить эти пороки психологии [13; 14]. В его физиологической психологии использовались математика и эксперимент, устойчивые элементы испытуемые научались выделять с помощью длительной тренировки (напомним, чтобы стать испытуемым в вундтовской лаборатории субъект предварительно должен был пройти через 10 тыс. запротоколированных испытаний), а самонаблюдение использовалось лишь для исследования элементарных явлений, в которых нарушить ничего нельзя в силу их простоты.

Добавим, что ко времени вундтовской декларации о самостоятельности психологии было показано, что: 1) математика может успешно использоваться в психологии (И. Герbart, 1822), она успешно применялась в физиологии органов чувств и психофизике; 2) эксперимент использовался физиологом Ф. Дондерсом для измерения времени реакции, широко применялся в психофизике Э. Вебером и Г.Т. Фехнером; 3) Д.С. Миллем (1843) обоснованы необходимость и возможность существования психологии как отдельной самостоятельной науки [24]; 4) Дробиш в 1842 г. показал, что психология может разрабатываться на чисто эмпирической основе [22]; 5) Ф.А. Ланге (1866) дал абрис того, как может выглядеть эмпирическая психология, ориентированная на естественные науки [23]; 6) кантовский позитивизм и в особенности его классификация наук способствовали ориентации на психологию как науку, опирающуюся на факты и естественнонаучное знание.

Декларация Вундта получила поддержку, физиологическая психология обрела статус научной, несмотря на очевидные недостатки, самым явным из которых был ее ограниченный характер — она охватывала крайне малую часть проблемного поля психологии, области, непосредственно соприкасающиеся с физиологией: лишь ощущения и произвольные движения. Можно констатировать, что проект Вундта был поддержан в значительной степени “авансом” в расчете на то, что пространство научной психологии будет неуклонно расширяться. Понятно, что проект Ушинского *не участвовал*

(по указанным выше причинам) в конкурсе “на разработку научной психологии”. В первую очередь потому, что сам Ушинский не рассматривал его как таковой: разработка системы психологии явилась “побочным продуктом” создания основы для воспитания. Но причины победы проекта Вундта полезно себе представить: кантовский авторитет, экспериментальный характер, взаимодействие с физиологией, естественнонаучная ориентация.

Для Ушинского вундтовский проект (еще нереализованный) интереса почти не представлял по той причине, что физиологическая психология охватывала малую часть проблемного поля психологии и была практически бесполезна для дела воспитания.

ПОЧЕМУ УШИНСКИЙ НЕ БЫЛ ПРОВОЗГЛАШЕН ВЕЛИКИМ ПСИХОЛОГОМ

Сегодня мы соглашаемся с оценкой выдающегося советского психолога Б.Г. Ананьева [3], данной психологическим трудам К.Д. Ушинского, и полностью принимаем его характеристику Ушинского как великого психолога. Полагаем необходимым добавить к ананьевской оценке, что К.Д. Ушинский был великим психологом и в мировом масштабе: он представил первый проект научной психологии, который опередил версии В. Вундта [26], Ф. Брентано [21] и др. Кроме того, Ушинский представил *первый проект практически ориентированной научной психологии*. В конце 1940-х — начале 1950-х годов сложилась крайне неблагоприятная ситуация для того, чтобы представить Ушинского “великим” психологом. Он широко употреблял термины “душа” и “дух”, уделял место религии, писал о пользе дуализма, тогда так идеологически обязательной для психологического учения была характеристика его как материалистического (см.: [10–11]). Это “объективные” условия недооценки труда Ушинского как психолога. Но были факторы “субъективные”, связанные с личностью Ушинского и особенностями его труда.

К.Д. Ушинский позиционировал себя исключительно как педагога, всячески подчеркивал, что его труд именно педагогический, посвящен проблеме воспитания. *Профессиональная и личностная идентификации* были исключительно педагогическими.

Ученый сам многократно подчеркивал, что он не психолог, и предвосхищал возможную критику со стороны психологов. По его работам рассеяны многочисленные высказывания такого рода:

“Книга наша назначается не для психологов-специалистов” [18, с. 58]; “Труд наш не удовлетворит, наконец, тех психологов-специалистов, которые подумают, и весьма справедливо, что для писателя, берущегося за изложение психологии, и притом не одной какой-нибудь психологической теории, а желающего выбрать из всех то, что можно считать фактически верным, следовало бы иметь побольше познаний и поглубже вдумываться в изучаемый предмет” [18, с. 57] и т.д.

Даже в названии своего эпохального труда Ушинский не использовал слово “психология”.

Научная честность автора. В сложных моментах Ушинский прямо писал, что вопрос в настоящее время не имеет решения. Приведем примеры: “Отношение, в которое душа поставлена к нервному организму, составляет одну из величайших тайн творения, которая, возбуждая сильнейшее любопытство в человеке, остается для него непостижимой, хотя человек, так сказать, живет посреди этой тайны и каждым своим действием, каждой своею мыслью решает на практике задачу, неразрешимую для него в теории. Теперь, по крайней мере, ясно для нас уже одно, что нервный организм стоит неизбежным звеном и единственным посредником между внешним миром и душою. Душа не ощущает ничего, кроме разнообразных состояний нервного организма, и насколько внешний мир своими влияниями отражается в этих состояниях, настолько он и доступен душе” [18, с. 270].

“Как разбирает душа иероглифы, начертываемые влияниями внешней природы, в состояниях нервной системы, — этого мы не знаем; а соответствуют ли эти иероглифы действительным явлениям внешнего мира, — это составляет основной вопрос метафизики, в который мы не будем здесь углубляться” [18, с. 270].

Ушинский приводил примеры, как зарубежные психологи маскируют сложные моменты в рассуждении. Он полагал, что честнее признать, что вопрос пока не ясен. И, конечно же, камнем преткновения явилось то, что в своих сочинениях Ушинский широко и свободно пользовался понятием души, совершенно не собираясь от него отказываться, и, напротив, ввел в свою систему понятие “духовные явления”, свойственные только человеку.

Подводя итог по “субъективным” причинам, отметим, что Ушинский не претендовал на роль психолога, разработчика психологической концепции, не делал по этому поводу каких-либо заявлений. И, конечно, важно, что получилось так, что К.Д. Ушинский *не смог завершить свой труд*,

придать ему законченный характер (мы уже упоминали о том, что третий том не был дописан, а собранные для него материалы были опубликованы лишь через десятилетия после ухода автора из жизни).

УНИКАЛЬНОСТЬ ПРОЕКТА К.Д. УШИНСКОГО

Кратко обозначим основные методологические позиции, сформулированные Ушинским.

1. Ушинский определяет предмет психологии, причем трактует его широко и целостно. Обратим внимание на то, что предмет психологии определяется Ушинским как совокупный, охватывающий собой все пространство психических явлений, включая психофизиологические, психические и духовные явления.

2. Ушинский определяет отношение психологии к философии. Поскольку он не ставит перед своими трудами задачи обосновать отделение от философии, он просто определяет это соотношение. Как пишет Ушинский, “по моему убеждению, в настоящее время и сама философия может явиться только посредницею между психологией и науками природы. В настоящее время возможна только такая философия, которая основывала бы постройку научного мирозерцания, с одной стороны, на фактах, добытых психическим самонаблюдением, а с другой — на фактах, добытых наблюдением над внешнею для человека природою. Другой философии в настоящее время я не понимаю. Если основать философию на одних психических фактах, то выйдет самый туманный и неопределенный идеализм; если основать ее на одних, известных нам, фактах внешней природы, — как это делает так называемая позитивная философия, — то выйдет как раз столько же туманный и столько же неопределенный материализм, но в обоих случаях откроется обширное поле человеческой фантазии, оценка которой возможна уже на основании правил поэзии или риторики, а не оснований науки. Отправляясь от идеального воззрения Гегеля и от позитивной философии Конта, как бы забывшей самое существование психических явлений, мыслитель одинаково удаляется от действительного знания и попадает уже в мир фантастических построек, где величественнейшие дворцы выстраиваются очень легко и скоро именно потому, что это дворцы картонные” [19, с. 15].

3. Ушинский подробно обсуждает отношение психологии к другим наукам, т.е. определяет ее место в системе научного знания. Само определение

места психологии в структуре знания в целом позволяет достаточно четко описать место психологии среди других наук и тем самым обозначить отношения психологии с другими научными дисциплинами.

4. Ушинский позиционирует психологию как науку, основывающуюся на фактах. Факты добываются Ушинским в опубликованных психологических сочинениях, выбор фактов подробно обсуждается автором. Ушинский приводит огромное число собственного фактического материала.

5. Ушинский подробно обсуждает, каков должен быть метод психологии. Как упоминалось, основным методом психологии Ушинский полагает самонаблюдение. Обратим внимание, что в середине XIX в. самонаблюдение продолжало реально оставаться ведущим методом в области психологии. Эксперимент активно использовался физиологами при измерении времени реакции (Ф. Дондерс), в психофизике К. Вебером и Г.Т. Фехнером, но он проводился со специальными целями и никоим образом не представлял собой экспериментально-психологического исследования. Исследования по времени реакции и по психофизике были впоследствии включены Вундтом в его физиологическую психологию [13].

6. Ушинский подробно рассматривает важнейший для конституирования науки вопрос, связанный со структурой дисциплины. Поскольку предмет психологии понимается Ушинским совокупно, то структура дисциплины фактически совпадает с трактовкой предмета. Психологическая часть включает в себя сознание, чувства и волю, психические явления, которые свойственны лишь человеку (духовные): самосознание, рассудок и разум, мышление и речь, свобода воли, а также конкретные психические процессы высшего порядка (идеи как формы теоретического приближения к истине; эстетическое чувство как восприятие истины в образной форме; нравственное чувство как осознание прекрасного в отношениях между людьми; религия как исторически ранняя форма функционирования высшей психики).

7. Ушинский решает вопрос о соотношении психологии с физиологией, рассматривая отношения между физиологическими и душевными процессами. Специально следует подчеркнуть, что это отношение определяется так, что не оставляет места для физиологического редукционизма, который был характерен для многих направлений в психологии [14].

8. Ушинский утверждает опытный характер науки. Мы видели выше, что, к примеру, К. Рамуль,

анализируя работы русского ученого, замечает, что опытный характер не выдерживается, а психология Ушинского “была в значительной степени теоретизирующей и конструирующей”. На наш взгляд, это только подчеркивает мудрость Ушинского, никоим образом не разделявшего крайности позитивизма и никогда не заявлявшего, что наука *сводится* к получению фактов. Ушинский активно использует эмпирический подход, заимствуя из работ современников факты (подробно оговаривая, какие именно из них он использует), но хорошо понимает, что для создания системы знания они имеют вспомогательную роль (нужно знать, куда эти факты должны быть встроены).

9. Ушинский определяет соотношение теории и метода в новой психологии, что было редкостью для той эпохи. К тому же стоит отметить высочайшую методологическую культуру Ушинского, поскольку практически каждый важный шаг в его рассуждениях сопровождается скрупулезным методологическим анализом.

10. Учение Ушинского соединяет разработанную систему психологии, изложенную им в его сочинениях с тем, что система эта *работающая, имеющая практическую направленность*. Концепция Ушинского, без сомнения, — первый в мировой науке практико-ориентированный проект психологии. Направленность на практику определяет и некоторые методологические положения автора. Ушинский пишет: “Жизнь, с которою имеет дело воспитание, не укладывается ни в какую одностороннюю теорию, и прямой теоретик в жизни есть самый непрактический человек” [18, с. 650]. Далее он заключает: “Воспитание как практическая деятельность может основываться только на психическом факте дуализма. Монизм, как и вера в причинность — основа науки; дуализм, как и вера в личную свободу человека, — основа всякой практической деятельности, а, следовательно, и воспитания. Но можно ли так разделить науку и жизнь, о единстве которых говорится почти в каждой немецкой ученой книге? На это мы можем сказать только, что как бы ни был прискорбен этот факт разделения науки и практической жизни, но во всяком случае он лучше вымышленного их соединения, как незнание лучше ложного знания” [18, с. 654].

Сегодня в XXI столетии проходят дискуссии о различиях академической и практико-ориентированной психологии. Нельзя не признать, что Ушинский пытался в свое время решить одну из вечных проблем психологии.

11. Учение Ушинского, в отличие от подавляющего большинства психологических теорий

середины XIX в., — вовсе не учение, нацеленное на сознание. Ушинский отмечает: “Так как деятельность души сама по себе есть только удовлетворение врожденного ее стремления к деятельности, то мы можем сказать, что в создании этой страсти (любви. — *Ред.*) участвовали окончательно три деятеля: 1) стремления телесные, 2) стремления духовные (т.е. эстетико-нравственные) и 3) стремления душ к деятельности” [20, с. 16].

12. Наконец, последнее. Напомним, третий том антропологии Ушинский намеревался посвятить высшим проявлениям сознания: согласно Ушинскому, пропасти между элементарными психическими явлениями и сложными при комплексном подходе не существует. Именно этот разрыв привел, как известно, к кризису психологии, конфликту между естественнонаучной и герменевтической психологией, который не разрешен и поныне.

Не станем останавливаться на других значимых моментах. Повторим, их вполне хватит на то, чтобы, реконструируя представления Ушинского о том, какой быть психологии, написать целую книгу.

Как можно увидеть, Ушинский в своих работах обсудил весь комплекс вопросов, который необходим для определения статуса психологии. Поскольку попытка Ушинского исторически является первой в психологии, можно уверенно полагать, что Ушинский вполне заслужил свое место в истории психологии именно как методолог, решивший в свое время комплекс сложнейших задач. То, что не осуществили современники, должны сделать благодарные потомки.

Остается только предполагать, в каком направлении развивались бы исследования Ушинского, если бы судьба подарила ему несколько лет жизни, отодвинув безвременный уход из жизни. Как уже упоминалось, в психологии (и в науке, и в истории) нет сослагательного наклонения. Однако полагаю, что, ознакомившись с трудом Вундта (1874), Ушинский счел бы опус немецкого автора карикатурой на науку и образцом односторонности.

Впрочем, мы далеки от того, чтобы идеализировать труды К.Д. Ушинского. Как и всякий документ эпохи (с момента публикации “Опыта педагогической антропологии” прошло более полутора столетий), труды Ушинского несут печать своего времени: многие положения, утверждавшиеся великим русским педагогом, не выдержали проверки временем, поскольку основывались на знаниях той эпохи.

Однако в главном Ушинский был прав: неслучайно понятия “душа” и “духовность” в наши дни

активно возвращаются в структуру научного-психологического знания. Ученый, разработавший свою психологическую концепцию в середине XIX в., достоин звания великого психолога.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая статья приурочена к 200-летию юбилею ученого, что избавляет от проведения параллелей между творчеством великого психолога и современной наукой.

Ушинский — настоящий методолог. Причем не только методолог психологии, но и науки в целом. Обратим внимание на то, что им глубоко проработаны сочинения И. Канта, Д. Юма, Г. Гегеля, Д.С. Милля и многих других философов. Ни у кого из них Ушинский не нашел удовлетворительного решения, позволяющего создать необходимую ему систему психологии.

Ушинский активно использовал современные подходы, которые только оформлялись в XIX в.: генетический, эволюционный, исторический. Напомним о том, что Ушинский говорил о социальной антропологии (хотя еще и социальная психология в то время пока не появилась).

Элементы эклектики, о которых честно предупредил Ушинский, являются, вероятно, единственно возможным средством решения поставленных задач в XIX в. В наше время, как хорошо известно, представители разных наук обсуждают возможности использования сетевых подходов. Как представляется, было бы странным требовать от ученого середины XIX в. решений, которых нет и спустя полтора века.

Несомненно, важнейший момент для понимания подлинного значения системы Ушинского — это его трактовка предмета психологии. Ушинский показал иной путь создания системы, в противоположность вундтовскому, эксплуатируемому научной психологией по сегодняшний день. Логика Вундта была проста и понятна — предмет определялся предельно узко. Согласно Ушинскому, напротив, предмет психологии должен быть определен максимально широко — от простейших проявлений, граничащих с физиологией (чем и ограничил сферу научной физиологической психологии В. Вундт), до самых сложных духовных, свойственных лишь человеку.

К.Д. Ушинский видел недостатки своей работы лучше критиков, сам о них заявлял, не скрывал, что некоторые вопросы не могут быть решены в настоящее время — наука не располагает такими возможностями, но он не затушевывает их, а, напротив,

обнажает. Возможно, это урок великого психолога его будущим последователям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* “Педагогическая антропология” К.Д. Ушинского и ее современное значение // Избранные труды по психологии. Т. 2. Развитие и воспитание личности / Под ред. Н.А. Логиновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 531–546.
2. *Ананьев Б.Г.* Проблемы педагогической антропологии // Избранные труды по психологии. Т. 2. Развитие и воспитание личности / Под ред. Н.А. Логиновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 499–514.
3. *Ананьев Б.Г.* К.Д. Ушинский — великий русский психолог // Избранные труды по психологии. Т. 1. Очерки психологии. История русской психологии / Под ред. Н.А. Логиновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 388–409.
4. *Ананьев Б.Г.* Педагогическая антропология К.Д. Ушинского и ее современное значение // Вопросы психологии. 1969. № 2. С. 3–14.
5. *Вундт В.* Основания физиологической психологии. М.: Типогр. М.Н. Лаврова и К°, 1880.
6. *Ждан А.Н.* История психологии от Античности до наших дней. М.: МГУ, 2004.
7. *Кант И.* Сочинения: В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966.
8. *Кольцова В.А.* Методологические проблемы истории психологии в трудах Б.Г. Ананьева // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования: Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2002. С. 80–99.
9. *Корнилов К.Н.* К.Д. Ушинский как психолог // Памяти К.Д. Ушинского. Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. Т. 33 / Под ред. Е.Н. Мединского. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1946. С. 30–37.
10. *Мазилев В.А.* Проект практической психологии К.Д. Ушинского // Человек. 2015. № 6. С. 107–117.
11. *Мазилев В.А.* Разработка практической психологии: непонятый и неоцененный проект К.Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. Т. II (Психолого-педагогические науки). 2014. № 3. С. 191–199.
12. *Мазилев В.А.* К.Д. Ушинский в Ярославле: формирование методологических взглядов // Педагогическое наследие К.Д. Ушинского: Материалы научно-практической конференции “Чтения Ушинского” (4–5 марта 2014 г.). Ч. 2. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. С. 24–39.
13. *Мазилев В.А.* Становление метода эксперимента в научной психологии // Современная экспериментальная психология: В 2 т.: Коллективная монография. Т. 1 / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011. С. 139–159.
14. *Мазилев В.А.* Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
15. *Марцинковская Т.Д., Юревич А.В.* История психологии. М.: Гардарики, 2008.
16. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии. Т. 1. Ростов н/Д.: Феникс, 1996.
17. *Рамуль К.А.* К.Д. Ушинский и западноевропейская психология // Вопросы психологии. 1956. № 5. С. 113–124.
18. *Ушинский К.Д.* Сочинения. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1950.
19. *Ушинский К.Д.* Сочинения. Т. 9. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1951.
20. *Ушинский К.Д.* Сочинения. Т. 10. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1952.
21. *Brentano F.* Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.
22. *Drobish M.* Empirische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode. Leipzig: Voss, 1842.
23. *Lange F.A.* Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Serlohn; Leipzig: J. Baedeker, 1887.
24. *Mill J.S.* A System of logic. New York: Harper, 1846.
25. *Wundt W.* Vorlesungen über die Menschen und Thiere-seele. Leipzig: Boss, 1863–1864. Bd. 1. XIV. 491 S.; Bd. 2. VII. 463 S.
26. *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.

THE GREAT PSYCHOLOGIST: K. D. USHINSKY AS A METHODOLOGIST OF PSYCHOLOGY²

V.A. Mazilov

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky;
150000, Yaroslavl, Respublikanskaia str., 108/1, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Head of the Department of General and Social Psychology.
E-mail: v.mazilov@yspu.org*

Received 20.12.2022

Abstract. The article is dedicated to the 200th anniversary of the Great Russian teacher and psychologist K.D. Ushinsky, whose contribution to the development of pedagogy and psychology is undeniable. However, the psychological component of the creativity and legacy of the great scientist and innovator remains largely underestimated: in modern Russian textbooks on the history of psychology, K.D. Ushinsky's psychological research is not given any significant attention, also in foreign ones Ushinsky's psychological works are not mentioned at all. The article states that one of the main achievements of the scientist is the methodology of substantiation of scientific psychology. Even though Ushinsky was not a psychologist, did not position himself as a psychologist, he developed the scientific foundations of psychology to build scientific pedagogy. Psychology as a science simply did not exist at that time, so the development of a system of psychology was a means of solving its main task. Russian pedagogue's solution to Ushinsky's problem, however, represented a unique achievement of world psychological science, and the solution of the Russian pedagogue was original, since the project was focused on the development of practical psychology for teachers. The article provides an analysis of reasons for such underestimation of Ushinsky's project by scientific community — objective (traditions of considering psychology and public expectations) and subjective (Ushinsky positioning himself exclusively as a teacher and belittling his contribution to psychology). It is mentioned that B.G. Ananyev (1945), who called the Russian scientist a “great psychologist, but the assessment of the classic of Soviet psychology has not become generally accepted, noticed Ushinsky's contribution to the creation of the original system of psychology. The article analyzes the reasons for the lack of resonance of the publication, among which the main ones are ideological and socio-cultural, related to the uncertain status of psychology itself in the early 1950s, after the session of the two academies, when the proximity to the physiological teaching of I.P. Pavlov and the materialism of the concept became the determining factors. The article gives an outline of K.D. Ushinsky's methodological concept, which allows asserting that Ushinsky proposed a project of scientific psychology, the first practice-oriented project of psychological science in the history of world psychology.

Keywords: K.D. Ushinsky, scientific pedagogy, pedagogical anthropology, system of psychology, scientific psychology, B.G. Ananyev, history of psychology.

REFERENCES

1. *Anan'ev B.G.* “Pedagogicheskaya antropologiya” K.D. Ushinskogo i ee sovremennoe znachenie. Izbrannye trudy po psikhologii. T. 2. Razvitie i vospitanie lichnosti. Ed. N.A. Loginova. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2007. P. 531–546. (In Russian)
2. *Anan'ev B.G.* Problemy pedagogicheskoy antropologii. Izbrannye trudy po psikhologii. T. 2. Razvitie i vospitanie lichnosti. Ed. N.A. Loginova. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2007. P. 499–514. (In Russian)
3. *Anan'ev B.G.* K.D. Ushinskij — velikij russkij psikholog. Izbrannye trudy po psikhologii. T. 1. Oчерki psikhologii. Istorija russoj psikhologii. Ed. N.A. Loginova. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2007. P. 388–409. (In Russian)
4. *Anan'ev B.G.* Pedagogicheskaya antropologiya K.D. Ushinskogo i ee sovremennoe znachenie. Voprosy psikhologii. 1969. № 2. P. 3–14. (In Russian)
5. *Vundt V.* Osnovaniya fiziologicheskoy psikhologii. Moscow: Tipogr. M.N. Lavrova i K^o, 1880. (In Russian)
6. *Zhdan A.N.* Istorija psikhologii ot Antichnosti do nashikh dnei. Moscow: MGU, 2004. (In Russian)
7. *Kant I.* Sochineniya: V 6 t. T. 6. Moscow: Mysl', 1966. (In Russian)
8. *Kol'cova V.A.* Metodologicheskie problemy istorii psikhologii v trudakh B.G. Anan'eva. Sovremennaya psikhologiya: sostoyanie i perspektivy issledovanij. Ch. 4. Metodologicheskie problemy istoriko-psikhologicheskogo issledovaniya: Materialy yubilejnoi nauchnoj konferencii IP RAN, 28–29 yanvarya 2002 g. Eds.

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation grant No 22-28-00089.

- A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2002. P. 80–99. (In Russian)
9. Kornilov K.N. K.D. Ushinskij kak psikholog. Pamyati K.D. Ushinskogo. Uchenye zapiski Mosk. gos. ped. in-t im. V.I. Lenina. T. 33. Ed. E.N. Medynskogo. Moscow: MGPI im. V.I. Lenina, 1946. P. 30–37. (In Russian)
 10. Mazilov V.A. Proekt prakticheskoy psikhologii K.D. Ushinskogo. Chelovek. 2015. № 6. P. 107–117. (In Russian)
 11. Mazilov V.A. Razrabotka prakticheskoy psikhologii: neponyatij i neocenennyj proekt K.D. Ushinskogo. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. T. II (Psikhologo-pedagogicheskie nauki). № 3. 2014. P. 191–199. (In Russian)
 12. Mazilov V.A. K.D. Ushinskij v Yaroslavle: formirovanie metodologicheskikh vzglyadov. Pedagogicheskoe nasledie K.D. Ushinskogo: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii "Chteniya Ushinskogo" (4–5 marta 2014 g.). Ch. 2. Yaroslavl': Izd-vo YAGPU, 2014. P. 24–39. (In Russian)
 13. Mazilov V.A. Stanovlenie metoda ehksperimenta v nauchnoj psikhologii. Sovremennaya ehksperimental'naya psikhologiya: V 2 t.: Kollektivnaya monografiya. T. 1. Ed. V.A. Barabanshchikov. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2011. P. 139–159. (In Russian)
 14. Mazilov V.A. Teoriya i metod v psikhologii. Yaroslavl': MAPN, 1998. (In Russian)
 15. Marcinkovskaya T.D., Yurevich A.V. Istoriya psikhologii. Moscow: Gardariki, 2008. (In Russian)
 16. Petrovskij A.V., Yaroshevskij M.G. Istoriya i teoriya psikhologii. T. 1. Rostov-na-Donu: Feniks, 1996. (In Russian)
 17. Ramul' K.A. K.D. Ushinskij i zapadnoevropejskaya psikhologiya. Voprosy psikhologii. 1956. № 5. P. 113–124. (In Russian)
 18. Ushinskij K.D. Sochineniya. T. 8. M.; L.: Izd-vo APN RSFSR, 1950. (In Russian)
 19. Ushinskij K.D. Sochineniya. T. 9. M.; L.: Izd-vo APN RSFSR, 1951. (In Russian)
 20. Ushinskij K.D. Sochineniya. T. 10. M.; L.: Izd-vo APN RSFSR, 1952. (In Russian)
 21. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.
 22. Drobish M. Empirische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode. Leipzig: Voss, 1842.
 23. Lange F.A. Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Serlohn; Leipzig: J. Baedeker, 1887.
 24. Mill J.S. A System of logic. New York: Harper, 1846.
 25. Wundt W. Vorlesungen über die Menschen und Thierseele. Leipzig: Boss, 1863–1864. Bd. 1. XIV. 491 S.; Bd. 2. VII. 463 S.
 26. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.